

Незабудки

У деда были голубые глаза, почти выцветшие к концу жизни. Весь дед был вылинявшим отголоском какой-то дорежимной, допионерской эпохи – всерьез нами не воспринимался. Позже вспоминалось, что он умел рисовать, знал иврит – хотя в те времена это было бесполезным грузом; безграмотно, но очень красиво, с завитушками, писал по-русски. Еще дед умел восхищаться глубиной эскалатора, разноцветьем заката...

Вкусу дедушки я доверяла больше, чем маминому. Смотрится ли на мне добытая маминими стараниями модная вещица, он чувствовал точно и говорил честно. Мама же могла покривить душой, хотя бы ради целесообразности: вещь есть – надо носить.

Сейчас я бы рада была поговорить с дедом – нашла бы, о чем его спросить...
Не успела. Не успела вырасти.

Молчанье, полнее слов,
Вопрос, не решаемый вместе –
Что сможет уравновесить
Эту чашу весов?

На могиле деда упорно вырастали незабудки, под цвет его глаз. Несколько лет мы с мамой пытались заменить их на какие-нибудь крокусы, потом перестали бороться – могила цвела дедушкиными незабудками.
Сейчас там лежит уже не только дед...

Улыбаться горько на портрете,
Незабудкой в дерне прорасти –
Наших радостей вам больше не отметить,
Наших бед от нас не отвести...

Ухаживает за могилой старший брат. Брат, оставшийся за старшего. Его, можно сказать, дежурство...

Брат с незабудками справился – забетонировал могилу.